

Роман Галкин

Роман Галкин

Кощей. Перезагрузка

Роман

Москва, 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г16

Художник
В. Успенская

Галкин Р.
Г16 Кошей. Перезагрузка: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2404-7

Что вы знаете о Кошее Бессмертном, о Бабе-яге, о Лешем и о других сказочных персонажах? Считаете их коварными злодеями? Так же думал и Георгий, пока его душа после гибели не вселилась в Кошею, воскресшего после битвы с Иваном-царевичем...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Роман Галкин, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2404-7

ПРОЛОГ

— Черт, что за чепуха? Почему ни фига не видно?

— Я не черт. А ничего не видно, потому что ничего нет.

— Не понял. Ты кто?

— Архангел в пальто.

— Что за ерунда? Где я?

— Нигде. Пока нигде. Сейчас будем разбираться, куда тебя отправить.

Перед глазами какая-то непроницаемая белесая муть. Пытаюсь осмотреться вокруг, но голова не поворачивается. Все тело отказывается повиноваться. Вообще такое ощущение, будто тела и нет вовсе.

Пытаюсь вспомнить, что со мной произошло. Помню, что вечером поехал к Мишаке в баню. Но пить там не пили. Домой вернулся часов в десять. Какие-то неприятные ассоциации связаны с возвращением домой... Что-то было нехорошее. Поругался с женой? Вроде нет. Что же тогда?

Так-так-так, кажется, припоминаю... Ага. Вот я захожу в подъезд, вызываю лифт и слышу этажом выше непонятное шуршание. Прислушиваюсь. Шуршание стихает, и раздается характерное журчание.

Ну, гад, давно я мечтал поймать хотя бы одного такого дебила и свернуть ему шею. Гонимый злым охотничьим азартом, бесшумно шагаю через две ступени. Ни на втором, ни на третьем этаже лампочки не горят, поэтому на площадке между ними у мусоропровода почти кромешная тьма. Но я все же различаю спину мерзавца и бросаюсь на него. Краем глаза успеваю заметить движение сзади, на лестничном пролете, ведущем вверх, но не обращаю на это внимания. С лету бью паршивца ногой в поясницу так, что тот влипает в трубу мусоропровода. Хватаю его за довольно длинные волосы и с силой

прикладываю об эту же трубу лбом. В это мгновение мой собственный затылок взрывается резкой болью и сознание меркнет.

Больше ничего не помню.

Похоже, этот подонок был не один, и я, потеряв в азарте осторожность, заработал по затылку каким-то тяжелым предметом.

Значит, теперь я нахожусь в больнице.

Но почему совершенно не ощущаю своего тела? Неужели мне перебили позвоночник и я теперь на всю жизнь останусь прикованным к постели инвалидом? При этой мысли меня охватывает ужас. Но тут же возникает другая мысль: почему ничего не вижу? Если бы ослеп, по идее, должна быть темнота. А передо мной белесая муть, вроде бы даже слегка светящаяся. Разве такая слепота бывает?

И кто этот мужик, который со мной разговаривает? Доктор? Он, кажется, говорил, что собирается меня куда-то определить? Вероятно, это хирург из травмпункта. Они там все такие грубые, ведут себя с пациентами словно с каким-то быдлом. Уж я-то знаю — в молодости частенько попадал туда с порезами и переломами. И всякий раз эти травматологи были уверены, что пациент обязательно пьяный. Посмотрел бы я, какими трезвыми будут выглядеть они, если заехать по голове битой или выпустить литр крови из пореза на боку! Зачем вообще идти в доктора, если относишься к пациентам с таким презрением? Разве что из садистских побуждений.

— Доктор, — обращаюсь к невидимому мужику, — что со мной?

— Доктор, говоришь? — хмыкает тот в ответ. — Ну что ж, можно и так назвать. Пожалуй, мне подойдет роль терапевта. Итак, к какому коллеге тебя дальше направить, а? Какой, скажи, курс лечения тебе прописать?

Озадаченный таким вопросом, молчу.

— Посмотрим, какое твое деяние было последним, — между тем продолжает доктор. — М-да... Убил человека. И за что же? За то, что тот справлял естественные надобности. Значит, ты решил запретить человеку делать то, что предписал ему Бог? Ты поставил свою волю выше воли Создателя? И как, по-твоему, должен жить человек, не справляя естественных надобностей? Ты сам-то так пробовал?

Что за бред несет этот доктор? Доктор ли? Может, я в дурке, а это сосед по палате? А как я сюда попал? Не угрожал ли я и правда того засанца? Кстати, откуда сосед по палате может знать об этом инциденте? И почему, черт побери, я ни фига не вижу? Небось посчитали буйным и накололи какой-то гадостью. Точняк накололи чем-то, что парализует все мышцы, а глаза вроде бы тоже являются мышцами, или какая-то их запчасть — вот и не вижу теперь ничего, кроме этой светящейся мути. Но почему тогда я могу говорить? Язык ведь тоже является мышцей или нет?

— Слышь, мужик, — обращаюсь к соседу, — тебя как зовут?

— Меня не зовут. Ко мне сами приходят. А я туточки постоянно и бессменно, — пробубнил тот таким тоном, будто чем-то увлеченно занимается, после чего продолжал нести свой сумасшедший бред: — Та-ак, ну, подробно мы твою жисть-жестянку рассматривать не будем, ибо последнего прижизненного поступка вполне хватает, чтобы четко определиться с направлением твоего дальнейшего следования. О, а вот это интересно! Да ты и сам, оказывается, всю жизнь желал отправиться по этому пути. Вона че в своем дневнике написал: «Если есть загробная жизнь, то я однозначно не желаю целую вечность сидеть под райской яблоней и дудеть в арфу». Кхм, дудеть в арфу? Оригинально. Надо будет подкинуть идею коллегам. Ага, читаем дальше: «Лучше уж в аду с чертями веселиться. Ну и хрена, что там раскаленные сковородки? За вечность к любой боли привыкнуть можно. Мазохисты вон и при жизни от нее тащатся. К тому же я из тех парней, которые, прежде чем самому на сковородку попасть, загонят туда кучу чертей и только потом залезут сверху погреться». Ишь ты, из тех парней он... Видали мы тут всяких. Вот возьму и отправлю тебя в рай. Да посодействую тому, чтобы дудел там в арфу денно и ночью. Из тех парней он, видите ли. М-дя...

Слушая соседа по палате, я продолжал удивляться его осведомленности. Неужели в каждую палату дурдома проведен Интернет? А иначе откуда этот придурок цитирует записи из моего ЖЖ? Если это действительно так, оказывается, тут можно жить. Вот только надо научиться держать себя настолько невменяемым, чтобы и парализующую дрянь не кололи и не выписали раньше времени. А то кто его знает, может,

этот идиот прав, и я действительно убил в подъезде того подонка. В дурке с Интернетом по-любому лучше, чем на тюремных нарах.

— Ну что ж, — прерывает мои размышления тот, кого я принял за соседа по палате, — путевка оформлена. Отправляйся для начала в чистилище.

— В фигилище, — передразниваю придурка.

Вдруг туманное сияние начинает стремительно блекнуть и заполняться темнотой. Вместе с темнотой возвращается зрение. Первое, что вижу, — в огненных отблесках передо мной стоит, ухмыляясь... передо мной стоит...

Нет, я точно сошел с ума! Даже если предположить, что это мрачное помещение с висящим на цепях огромным котлом, под которым пляшут оранжевые языки жаркого пламени, и есть палата психиатрической клиники, и тогда я не поверю, что в качестве пациента и моего соседа в ней может содержаться йети. Даже не буду говорить о том, что ни разу не слышал, чтобы йети сходили с ума. Я вообще не слышал, чтобы кто-то ухитрился поймать хотя бы одного представителя этого мифического племени. К тому же в моем представлении шерсть этих существ должна быть светлой и свалявшейся, а не идеально черной и лоснящейся, словно у отожавшегося за лето дикого кота.

И чего это чудище глядит на меня с такой плотоядной улыбкой?

Опускаю взгляд, чтобы посмотреть, чего такого интересного этот черный волосатик во мне увидел, и понимаю, что просто-напросто сплю, а весь этот кошмар мне только снится. Иначе как объяснить свойственную привидениям из фильмов ужасов прозрачность моего тела?

Поднимаю руки и смотрю сквозь них на продолжающего ухмыляться йети.

— Новенький? Передыху от вас нетути, — хриплым человеческим голосом сетует тот и подцепляет мою полупрозрачную фигуру трезубыми вилами. — Цельную вечность прете и прете, уж руки устали в кипятке вас полоскать.

Обалдевший от нереальности происходящего, я никак не отреагировал на вонзившийся в мою тушку трезубец, благо ни малейшей боли не почувствовал.

Йети-брюнет поднял меня на вилах и, словно сноп сена, перебросил в котел с пузырящимся черным варевом...

— А-а-а-а! — Дикая боль затмила разум и заставила забыть обо всем на свете. — А-а-а-а!

Я кричал, кричал и кричал. Каждую клеточку моего организма жгло адским пламенем. Единственным желанием было скорее умереть. Такая боль не могла длиться вечно. Я просто не мог ее долго выдержать. Я просто обязан был умереть. Я должен был в считанные секунды сгореть, свариться в этом адском котле. Но я не умирал, и боль не уходила. Казалось, этот кошмар длится вечно. И я орал, орал, орал, стараясь криком прогнать невыносимую боль.

И боль стала уходить. Или нет, боль никуда не делась. Просто я стал к ней привыкать.

Наконец настал момент, когда я заткнулся. Заткнулся после того, как появилась мысль: «А чего я, собственно, ору? Кому?»

Пришла следующая мысль: «Где я? И, собственно, кто я?»

Вспомнил черное мохнатое существо, засунувшее меня в котел с кипящей смолой...

В ужасе выпрыгиваю из адского варева и зависаю над ним, словно привидение.

Словно привидение.

Привидение...

Я привидение!

А как еще можно объяснить тот факт, что я спокойно вишу в воздухе, а мое тело прозрачно и не имеет четких очертаний?

Может, я сошел сума?

Может, нырнуть обратно в котел?

Последнее пожелание чуть было не исполняется благодаря черному йети.

— А чей-то ты вылез, а? — хрипит он, появившись передо мной, и пытается нанизать меня на трезубец.

— Э-эй, чудо, погоди! — резко отскакиваю, а вернее, отплываю в сторону. — Да погоди ты! Давай поговорим.

Йети оборачивается, словно желая разглядеть кого-то у себя за спиной. Затем снова устремляет взгляд на меня.

— Ты енто с кем сейчас разговариваешь? — нахмутив шерстяной лоб, вопрошает он.

— С тобой.

Чудище скашивает взгляд на собственную грудь, вероятно пытаясь увидеть себя со стороны.

— Не положено, — следует жесткий ответ после нескольких мгновений раздумья. — Туточки тебе чистилище, а не ента вот эта вот, где лясы-балясы разводят. Енто с крылатыми хвилосохвии разводить будешь — апосля, как очистишься.

— Да очистился я уже! — кричу, опять уворачиваясь от трезубца.

— Ишь, пряткий какой, — опять промахивается йети.

Некоторое время нам не до разговоров. Я шарахаюсь из угла в угол, а шерстяной тычет в меня вилами, словно отработывающий штыковой бой новобранец. Однако я явно шустрее кошмарного чистильщика, и этот факт мне нравится. Даже появляется некий азарт. Увернувшись в очередной раз, оказываюсь за спиной у йети и стараюсь там и оставаться, как бы шустро тот ни крутился. В моем нынешнем бестелесном состоянии это легко удастся.

— Все, — сдается шерстяной. Он устало опирается на трезубец и стоит, сгорбившись, часто и хрипло дыша. — Я отказываюсь работать с таким клиентом! Енто не клиент, енто недоразумение какое-то. Просто никакого уважения.

И тут же адское помещение затягивается белесой мутью, в которой растворяются даже звуки потрескивающих в огне дров и бульканье кипящей смолы.

С ужасом понимаю, что перестал не только видеть, но и ощущать тело. Пусть оно и призрачное, но еще мгновение назад я мог им управлять, мог двигаться, мог шевелить руками и ногами, поворачивать голову.

— М-да, шebutной клиент попался.

Раздавшийся из белесой мути голос показался знакомым. Я уже общался с его обладателем недавно... Недавно? А может, вечность назад? Это же он направил меня к черному йети в качестве мясного наполнителя для кошмарного супчика.

— Архангел в пальто, ты, что ли? — спрашиваю я.

— Хи, — хихикает женский голос. — Чего это он тебя в пальто нарядил?

— Человеческая душа — потемки, — отвечает мой знакомец без каких-либо эмоций. Однако в дальнейших его рассуждениях сквозит явное злорадство. — Создатель сделал людей несовершенными, мотивируя тем, что тогда у них будет цель к достижению совершенства, и они, стремясь к этой цели, превзойдут не только нас, но и его самого.

— Так совершенствуются же понемногу...

— Ну да, совершенствуются, — отвечает полный сарказма голос, — только в другую сторону.

— В какую другую? — не понимает женщина. — Вон даже космос себе придумали и полетели в него.

— И далеко ли улетели? — ухмыляется архангел. — Да и зачем полетели? За совершенством ли? Или за тем, что из космоса сподручнее убивать друг друга?

— Слышь, ты, в пальто, — надоедает мне молчать.

— Заткнись, — бросает тот, и я чувствую, что лишился возможности говорить, а он продолжает: — Я-то, почитай, половину из них через эти ворота пропустил и каждую душонку наизнанку вывернул. И скажу тебе, Мара, всем их самосовершенствованием движет стремление к уничтожению собственных собратьев. Потому и совершенствуются не душой или, на худой конец, телом, а изобретательством разных смертоносных штучек-дрючек. Да они и сами свой прогресс называют техническим — мертвым, значит. И все блага так называемой цивилизации — это всего лишь побочный продукт стремления убить первым.

— Ох, Гаврик, отдохнуть тебе надо вечность-другую от этих людишек. — В женском голосе послышались нотки сочувствия. — Да и привратники твои измаялись совсем. Надьсь видела, как Петя со смены брел — голова понурая, плечи опущены, крылья по тверди волочатся. Разве ж можно так изматываться?

— Как же отдохнуть-то, Мариночка? Кто ж вместо нас освободившиеся души отлавливать будет да после чистилища вновь по реалиям распределять?

— Гаврик, правда ли, что в иных реальностях перволюдей вовсе не осталось?

— Да что там перволюдей... В иных и людей-то почти не осталось. Допрогрессировались в своем совершенствовании, мать их...

— Не сквернословь, Гаврик.

— Да чего только от этих людских душонок не нахвататься, — сетует тот. — Ты, Мара, не представляешь, сколько очищенных душ мы с Петром да Павлом уже скопили в раю. Бродят они там, как овцы неприкаянные, ждут своей очереди на вселение. А куда их вселять, скажи?

— Ты же сам только что сказал, будто в иных реальностях люди себя почти совсем истребили. Вот и заселяйте их.

— Да? Люди, Мариночка, это не твои морфейчики. Им в материальных мирах материальные же тела требуются. А где этих тел набраться, ежели они вопреки заповеди уничтожают друг друга быстрее, нежели размножаются?

— Ой, ну не знаю я, Гаврик. А перволюди куда смотрят? Почему допускают подобное? И куда они сами исчезают? Они же не смертны.

— Да кто их слушает? Ежели изначальные отпрыски еще и уважали, то последующие о родстве забыли и стали перволюдей и их первенцев то ли богами, то ли нечистой силою считать. Тут и всяческих богоборцев без числа появилось. И пошла травля пращуров. Те какими только способами не отбивались от детишек: и мороки ужасные на себя надевали, и чудеса благостные творили — ничего не помогло. В итоге пришлось им в такие потайные уголки забиться, куда ни одному человечку не пролезть. Так нет же, находят такие, что пролазят. И что интересно, сами того не соображая, научились людишки бессмертных убивать. Представляешь?

— Как это?

— А вот так. Придумают какой-нибудь способ поизощренней, и начинают в него сообща верить. И чем большее число народа верит, тем большую силу эта вера набирает и в конце концов становится материальной. То есть способ убийства становится реальным. Дело остается за малым — найти идиота, желающего прославиться убийством прародителя.

Следует недолгая пауза, после которой архангел продолжает изливать душу собеседнице.

— Вот ты говоришь, Петра понурым встретила. Это он как раз печалился по поводу смерти очередного первочеловека. И способ-то какой идиотский придумали. Мол, смерть его на конце иглы, а игла та в яйце, яйцо в утке, утка в зайце... Нет, ты можешь себе утку в зайце представить?

— Да я, Гаврик, их и по отдельности представить не могу.

— Да? Ну извини... В общем, такого навывдумывали, такого... И ведь материализовалась выдумка-то.

— Убили, значит?

— Убили бедолагу. Оттого и Петр печален был. Тут вишь, какая заковыка. Ежели сущность бессмертна, то в материаль-

ном воплощении ее душа с телом неразделимое целое составляют. Собственно, и тело вовсе не тело, а эта самая душа и есть, только в особом уплотнившемся состоянии. Потому получается, что, убивая перволюдей, люди убивают их души.

— Разве такое возможно?! — восклицает голос той, которую архангел называл Марой. — Ведь даже Создатель не уничтожил ни одной сотворенной им души.

— Как видишь.

— Получается, эдак люди могут и нас уничтожить?

— Не дай-то бог!

— Какой еще бог?

— Тьфу, это я от людских душ присказок нахватался.

— Послушай, Гаврик, а что, если все людские недоразумения от чистилища? Что, если душу не очищать до первородности, а вернуть в мир с толикой прошлых знаний?

— Пробовали не единожды.

— И что?

— В половине случаев по-разному, когда дурачком век скоротает, когда на кресте или на эшафоте закончит. Зато другая половина, возымев власть, такую бойню среди сородичей устраивала! Петр с Павлом еле успевали в ад сонмы отлетевших душ сгонять.

— В ад-то зачем? На кой бесам человеческие души?

— А куда их девать, пока чистилище всех переработает? Не в ваш же Морфей? С ними и бесы-то насилие справлялись. После каждого такого наплыва бедолаги петицию Создателю отправляют, просят увеличить количество котлов в чистилище, дабы впредь избавить их от общения со столь беспокойными человеческими душами. Они, вишь, даже в бестелесном состоянии друг друга убивать пытаются, что очень болезненно сказывается на нежной психике бесов.

— Бедняжки, — сочувственно говорит женщина, и далее следует продолжительная пауза, во время которой я вновь пытаюсь обратить на себя внимание. Однако голос мне по-прежнему не повинуется. Я будто бы существую только мыслью, не способной даже к самостоятельному перемещению. Что, если этот говорун забудет меня в таком состоянии? Боже упаси...

— Гаврик, — прерывает молчание Мара, — если первочеловек есть уплотненная до состояния тверди душа, то я могу

уплотнять своих морфейчиков. Я часто так делаю, устраивая зримые представления для ангелочков.

— Ну, то морфеи, а то души. А к чему ты это?

— Суть-то одна — эфир с толикой сущности Создателя. Я к тому, что могу попробовать создать первочеловека взамен убиенного.

— Ага. И что получится? Перволюди в первородных реальностях и начинали жить, постепенно подстраиваясь под изменения, которые вносили потомки. И то многие этих изменений не пережили. Да и те, что остались, долго ли еще протянут? А ты предлагаешь чистую душу не в плод, а сразу в мир бросить? Это ж сколько мучений душа примет, пока люди придумают, как ее убить!

— А давай не чистую? Давай вон этого шустрого, что из чистилища сбежал? Воплотим его вместо того, которому людишки смерть в яйце у зайца напорочили, и пусть ему воздастся за шустрость.

— Кхм... На конце иглы смерть... Впрочем, без разницы. Они могли и такое придумать.

— Решай скорее, Гаврик. А то я уже скучаю без своих морфейчиков.

— Надо Петра призвать. С ним посоветоваться...

1

Проснувшись, не спешу открывать глаза и некоторое время размышляю над кошмаром, который мне приснился. Несмотря на всю сказочную бредовость сна, он кажется невероятно реальным и помнится от первого до последнего момента.

От размышлений о сне отвлекает ощущение чего-то твердого, словно камень, и очень холодного подо мной. В голове возникают два вопроса: «На чем я лежу? Где я?»

Ответ на первый вопрос получаю, открыв глаза. Лежу я действительно на камне. А вот с ответом на второй возникла явная проблема. Тем более что и сам он потонул в хлынувшей череде других вопросов.

Впрочем, если подойти к вопросу «где я?» буквально, то я проснулся на краю ущелья, на дне которого — сейчас взгляну — течет бурный поток, с постоянным шорохом перекатывающий камни. Глубина ущелья примерно с девятиэтажку. Ширина метров десять.

На противоположной стороне, метрах в ста от края, возвышается стена леса. Даже с такого расстояния видно, что это тот самый лес, который принято называть дремучим. Огромные ели, вонзаясь острыми вершинами в небо, надежно скрывают землю от солнечного света. Лишенные хвои нижние ветви столь густо перекрывают пространство между неохватными стволами, что через них невозможно пробраться ни человеку, ни сколь бы то ни было крупному зверю. С первого взгляда заметна неправильность леса, заключающаяся в отсутствии опушки в привычном понимании этого слова — с подлеском и мелким кустарником. Такое ощущение, будто некий великан отсек мясницким ножом часть леса. Подобный феномен можно было бы списать на возникшее в резуль-

тате, допустим, землетрясения ущелье. Однако слишком далеко от края начинается дремучая стена.

Оглядываюсь, ожидая увидеть такие же мрачные ели и у себя за спиной, но вижу неприступную скалу. Каменная стена тянется вдоль ущелья в обе стороны.

Что за... Как я сюда попал? Я продолжаю спать?

Перевожу взгляд с каменной стены на мрачный лес, вновь заглядываю в ущелье, где по-прежнему ворочает камни бурный поток. Течение воды завораживает, кружит голову, тянет вниз.

Жаркие лучи выглянувшего из-за вершин елей солнца выводят меня из транса. Отрываю взгляд от потока и только теперь замечаю, что сижу на камнях совершенно голый. Ну, точно сон... Моя кожа неестественно бледная, будто никогда не встречалась с солнечными лучами. Волосяной покров на всех частях тела отсутствует. Провожу ладонью по голове — здесь тоже идеальнейшая лысина, муха поскользнется. И вообще, тело какое-то не мое — если не обращать внимания на бледность и отсутствие волос, оно слишком идеальное. Вот и шрам от аппендицита опять же исчез. Да и такое ощущение, будто росточком стал несколько повыше. Встаю и визуально определяю, что значительно выше.

Однако солнце начинает печь все сильнее, а с такой бледной кожей можно быстро обгореть. Хоть и во сне, но неприятно. В поисках тени отправляюсь вдоль каменной стены, изучая ее на предмет хоть какой-нибудь пещерки или расщелины. Двигаюсь, судя по поднимающемуся светилу, примерно на север. Вскоре обращаю внимание, что стена, а вместе с ней и ущелье делают плавный поворот влево.

Замечаю нечто черное на краю ущелья. Какая-то тряпка зацепилась за камень. Поднимаю и удовлетворенно хмыкаю: у меня в руках плащ с капюшоном. Отряхнув, накидываю — мой размерчик. Правда, нет ни рукавов, ни прорезей для рук, но на первый случай сойдет и такое укрытие от солнца.

Так как сон на этом не закончился, продолжаю идти дальше. По ту сторону все так же тянется дремучий лес. Отвесная скала вместе с ущельем все так же плавно завораживает влево.

Не знаю, сколько прошло времени, может, полчаса, а может, всего минут десять, когда я набрел на вход в пещеру и остатки моста через пропасть.

Идеальная арочная форма темного зева пещеры, в который свободно смог бы проехать средний грузовик, говорит если не об искусственном происхождении, то о явной обработке человеческими руками. Человеческими ли? Судя по цепям, кои выходят из расположенных метрах в четырех над землей отверстий в скале по обе стороны от входа, стелются по каменной площадке и свободными концами свисают в ущелье, выковать их могли только настоящие великаны. Почему-то мысль о высокотехнологичном оборудовании, гнущем звенья толщиной в руку и размером с человеческую голову, даже мельком не посещает меня.

Заглядываю в пропасть и вижу обгоревшие остатки бревен, из которых некогда был сооружен удерживаемый цепями мост. Даже обугленные обломки столь велики, что бурный поток не в силах справиться с ними и вынужден переливаться через нагромождения или обтекать стороной.

Размышляю над тем, стоит ли жалеть об отсутствии переправы на ту сторону ущелья. Пожалуй, скорее стоит радоваться, ибо неизвестно, какие звери водятся среди этих мрачных елей. Конечно, в пещере тоже могут таиться неведомые монстры, но у меня есть надежный способ бегства при встрече с оными — проснуться, отделившись лишь холодным липким потом.

Осмотрев окрестности, делаю вывод, что пещера, скорее всего, необитаема. По крайней мере, никто крупный в ней не живет, ибо вокруг нет следов — ни экскрементов, ни обглоданных костей, ни других визитных карточек опасных хищников.

Всматриваюсь в темный зев, но после яркого солнечного света не могу ничего рассмотреть. На слух тоже не улавливаю ни единого шороха. Начинаю осторожно продвигаться внутрь. Глаза неожиданно быстро адаптируются к темноте, и вот я уже вижу так же хорошо, как при дневном свете. Ну, сон, он и есть сон.

Прямой ход выводит в огромный зал, на другом конце которого чернеют три арки. Путь к ним преграждает подземное

озеро. Темная поверхность водоема подернута рябью от постоянно дуящего в сторону арок сквозняка.

Так как никакого плавсредства не наблюдается, делаю вывод, что пройти к аркам можно вброд. Осторожно трогаю ногой воду — холодная, но терпимо. Ощупывая ступнями каменистое дно, вхожу в воду. Способность видеть в темноте не помогает разглядеть, что творится под ногами, слишком уж темная вода. Продвинувшись метра три к центральной арке, на ощупь определяю, что к ней ведет неширокая каменная тропка, едва скрытая под водой. Проверять глубину за краями тропинки желания не испытываю. И вообще не понимаю, какая сила заставляет меня лезть в эту подземную жуткую лужу? Что я потерял в этой пещере? Наяву ни за что бы сюда не полез.

Примерно на середине водоема справа от меня вдруг всплыл и лопнул большой пузырь. Затем еще один. Затем еще и еще. Вот вода буквально закипела и вспучилась огромной бурой слизистой массой.

— Ква-а! — Утробный рык, сопровождаемый смрадным выдохом, едва не сдул меня с тропки. Странно, что я сам не спрыгнул с нее, в надежде удрать от этой мечты француза, а вместо этого застыл как вкопанный, уставившись в тазики глаз милого бородавчатого лягушонка, не уступающего размером карьерному самосвалу.

— Ква-а... — Чудище снова сотрясло воздух подземелья и, как мне почему-то показалось, дружески шлепнуло меня по лицу липким кончиком длинного розового языка, отчего я с трудом удержался на тропинке. Ощущение было такое, будто меня приложили грязной мокрой половой тряпкой. Судя по тому, что язычок размерами превышал виденного в детстве в Харьковском зоопарке удава, обошелся со мной лягушонок крайне нежно. Да и усеянная великим множеством мелких острых зубов пасть, по размерам подходящая под гараж для легковушки, не вызвала особого содрогания. Не могу объяснить почему. Вот не боится же человек коровы или, например, слона, несмотря на то что этим животным ничего не стоит затоптать его насмерть. Вот и этого монстра я сразу воспринял примерно как доброго слона.

Поприветствовав меня, слонолягушонок погрузился в мрачные глубины подземного озера, а я двинулся дальше, потирая горящую от дружеского шлепка правую сторону лица.

И вот когда осталось сделать последний шаг, чтобы ступить на площадку перед центральным входом, из него вырвалась стая больших летучих мышей. От испуга я шархнул назад, поскользнулся, сорвался с тропы и ушел с головой под воду. Когда вынырнул, нечто мокрое облепило мою голову. Слепо барахтаясь в воде и вопя от ужаса, я кое-как содрал это нечто с лица, отбросил в сторону и тут же снова подхватил, пока оно не утонуло. Ведь это оказался слетевший с моих плеч плащ.

Фух... Если бы такое произошло в реале, у меня наверняка разорвалось бы сердце.

— Ква-а! — басовито грохает за спиной.

— Тьфу, твою лягушки мать! Чтоб тебя стадо французов поймало! — ругаюсь на привлеченное моим барахтаньем чудище.

Оно обвивает меня языком и нежно выбрасывает на площадку перед левой аркой.

— Я, между прочим, туда хотел, — указываю на среднюю арку, но монстр, гаркнув прощальное «ква», скрывается под водой.

— Эй! — кричу в темный отнорок и отстраняюсь на тот случай, если и из него вылетит стая мышей.

Подождав с полминуты, облачаюсь в мокрый плащ и решительно двигаюсь вперед. Все-таки интересно, пока не проснулся, узнать, куда ведет этот ход.

Гладкие, словно отполированные каменные ступени спиралью уходят вверх. На серых, кое-где расчерченных мелкими трещинами стенах нет ни светильников, ни следов копоти от факелов. Лишь постоянно дующий снизу сквозняк подталкивает в спину и холодит мокрый плащ, заставляя меня периодически зябко передергивать плечами. Не знаю, сколько полных оборотов сделала спираль лестницы, когда ее ступени наконец-то осветились солнцем, и я вскоре вышел наружу.

Несколько секунд потребовалось глазам, чтобы привыкнуть к свету, и первое, что я увидел, была яблоня, ветви которой ломались от обилия крупных, краснобоких, блестящих на солнце плодов. Руки сами потянулись к ветвям, и я, подоб-

но загипнотизированной куском сыра мыши, подошел к дереву, сорвал наливное яблочко и с сочным хрустом вонзил в него зубы. Сглотнув наполнивший рот живительный сок, почувствовал невероятное блаженство.

Закрыв в упоении глаза, опускаюсь на мягкую травку и, опершись спиной о ствол, не спеша поедаю райский плод. Может, это действительно рай? Снилось же в первом сне чистилище...

Негромкий шорох заставляет открыть глаза. Скашиваю взгляд влево и вижу не спеша прыгающего в мою сторону белого крольчонка. Начинаю машинально шарить рукой в траве, пытаюсь нащупать что-либо типа камня или увесистого сучка. В качестве снаряда подойдет и яблоко. Но чтобы его сорвать, придется встать. Тогда кролик меня заметит и убежит. Странно, что он до сих пор не обратил внимания на сидящего под деревом человека. Скачет в мою сторону, будто меня тут нет.

Вот я уже могу дотянуться до красноглазого зверька рукой. Мышцы напрягаются, и я уже готов схватить наглеца. Но вот он сам запрыгивает ко мне на колени и, глядя в глаза, начинает колотить меня по груди передними лапами, будто бы требуя чего-то.

— Я не по-онял, — протянул я. Но вспомнив, что это всего лишь сон, поинтересовался у наглого грызуна: — Тебе чего?

Однако кролик человеческим голосом не заговорил, только смешно опустил в разные стороны уши и тихо, но требовательно пискнул.

— Ну, извини, ушастый. Моя, как говорится, твоя не понимает. — Аккуратно опускаю его на траву, поднимаюсь, срываю яблоко, разламываю пополам и кладу одну часть перед кроликом. — На вот, яблочко пожуй. Очень вкусное. Настоятельно рекомендую.

Зверек в моих рекомендациях не нуждался. Более того, судя по тому, с какой жадностью он вгрызся в плод, именно яблоко от меня и требовалось.

Наблюдая, как мило кролик хомячит яблоко, невольно устыдился собственных первобытных инстинктов. Ведь если бы в тот момент, когда я его заметил, мне под руку попался какой-нибудь булжжик... И главное, зачем? Что бы я делал с пушистым трупиком? М-да...

Ну да ладно. Если просыпаться еще рано, посмотрим, куда мы попали.

Выхожу из-под опущенных под грузом плодов ветвей. Осматриваюсь окрест. Ну, рай не рай, а на райский уголок похоже. Небольшая, с пару-тройку футбольных полей, зеленая равнина обнесена забором из остроконечных скал. Редкие деревца, островки кустарника, мягкая травка — все бросалось в глаза своей ухоженностью. У всех деревьев, за исключением парочки сосен, кроны почти идеальной шарообразной формы. Кустарник хоть и не изображает никаких геометрических фигур, но тоже явно подстрижен. Густой зеленый ковер под ногами в высоту не более десяти сантиметров. В нем нет никакой оставшейся от стрижки стерни. Нет вообще ни засохших травинок, ни какого-либо другого мусора. Ну, если не считать пары брошенных мной огрызков. Надеюсь, ненасытный кролик, уже догрызающий свою половинку яблока, их утилизирует. Однородность зеленого покрова нарушают белые, желтые и голубенькие цветочки.

А в центре, между двух раскидистых сосен, стоит настоящая рубленая изба с невысоким крыльчком, резными наличниками, зорчатыми ставнями и деревянным петухом на коньке.

Направляюсь к дому и по пути перешагиваю весело журчащий ручеек с кристально чистой водой. Поодаль под самой скалой вижу небольшое озерцо, из которого и вытекает ручеек.

— Хозяева, есть кто дома? — громко кричу, прежде чем подняться на крыльцо.

Хлопает оконная створка, наружу выпрыгивает здоровенный упитанный серый кот и, задрав хвост трубой и громко мяуча, шустро бежит ко мне. Если такой зверь заедет лапой, то располосует кожу на ленточки. Поспешно плотнее закутываюсь в плащ и соображаю, как ловчее пнуть усатого, если тот действительно надумает напасть.

Но кот удивляет меня. Продолжая орать, он трется о мои ноги. Можно подумать, будто мы с ним старые знакомые и он сильно по мне соскучился.

Стараясь не споткнуться о мяукающее недоразумение и не наступить ему на лапу, поднимаюсь на крыльцо и стучусь в дверь. Немного подождав для приличия, тяну за ручку — заперто. Подумав, толкаю дверь внутрь. Оказывается, не заперто.

Вхожу в узкие — двоим с трудом разойтись — сени. Из мебели только лавка, на которой два деревянных ведра и моток черного шланга. Под лавкой слегка запыленные сапоги, ве-ник и деревянный совок. На сделанной из березовых сучков вешалке висит такой же, как на мне, только синего цвета плащ и меховая безрукавка.

Успеваю подумать, что резиновый шланг не вписывается в общую картину, и вздрагиваю, оттого что шланг вдруг разворачивается и сползает на пол.

— Фу-ух, — выдыхаю, глядя на двухметрового ужа, ползущего между ног не обращающего на него внимания кота. — В этом доме случайно не Инфаркт Миокардыч живет?

Уж не отвечает, и я, наступив таки на лапу коту, захожу в комнату. Потолок невысокий, рукой достать, но помещение довольно просторное, опытным глазом строителя определяю размеры примерно пять на шесть. У смежной с сенями стены большая русская печь с лежанкой и прикрытым деревянной заслонкой зевом печи. Тут же набор специальной утвари: на низкой лавке чугунок, глиняные горшки и прочая посуда, к стене прислонены два ухвата, кочерга и то ли широкое весло, то ли деревянная лопата.

Посреди комнаты деревянный стол. Под окном, в которое пару минут назад мне навстречу выпрыгнул кот, застеленный шкурами топчан. В дальнем левом углу огромный сундук. Когда я был маленький, такие сундуки были у моих кубанских теток. Они разводили в них тутового шелкопряда и сдавали коконы в колхоз.

В том же углу, только под потолком, пошевелился сидящий в центре паутины здоровенный мохнатый паук.

У противоположной стены стоит грубо сколоченный шкаф с занавесками вместо дверок. Занавески слегка раздвинуты, и на полках видны различные плоские, горшочки и наполненные невесть чем мешочки.

Вдоль стены у входной двери висит различная одежда. Здесь и меховая доха, и суконный кафтан зеленого цвета, и еще какие-то неизвестные предметы гардероба. Там же на стене висят две пары самых настоящих лаптей. Одна пара стоит на полу рядом с невысокими остроносими сапожками красного цвета.

Женская одежда отсутствует, значит, живет здесь холостяк.

Над одеждой полка из широкой доски. На полке черная мохнатая шапка, широкополая соломенная шляпа и серый суконный колпак, типа турецкой фески.

Слева от дверей на табуретке стоит деревянное ведро с водой. На нем висит ковшик. При виде чистой воды испытываю жажду. Зачерпываю ковшиком и с удовольствием пью студеную водичку. Судя по тому, что вода свежая, хозяин вышел из дома недавно и, возможно, находится где-то рядом.

От изучения нехитрой обстановки отвлекает писк. В дверь вбегает упитанная мышь, перепрыгивает через хвост сидящего у моих ног кота и, деловито обежав печь, скрывается за ней. Кот на нее — ноль внимания.

— Ты, Василий, я смотрю, мышей не ловишь? — обращаюсь к коту.

Тот в ответ мяукает и снова принимается тереться об мои ноги.

Прохожу вслед за мышью. Пространство за печкой закрыто пологом из дерюги. Отодвигаю полог и обнаруживаю кладовку со всякой всячиной. На полках опять же всякие баночки, горшочки, мешочки и еще много всего. На стене пучки трав. В полу крышка люка в подпол. Любопытно глянуть, что там. Но вдруг войдет хозяин, а тут голый, одетый в один лишь плащ, незванный гость шарится по заковрам.

Решив, что находиться в доме в отсутствие хозяина без приглашения невежливо, выхожу наружу. Неизвестно еще, что за хозяин. А то схватит тот ухват, что побольше, и буду бегать от него по всему этому райскому уголку, если успею из дома выскочить. Лучше встретиться с ним на просторе.

Обхожу избу вокруг. Ого, да тут приличный огородик! В обрамлении кустов смородины разбиты ровные ухоженные грядки. Никаких огурцов и помидоров нет. Зато есть репа, желтые, увенчанные сочной ботвой кругляши которой торчат из земли. Рядом растут еще какие-то корнеплоды, может, редька, может, еще что. Я в огородничестве не специалист. Репку-то опознал, потому что желтая и потому что росла когда-то на даче у родителей.

А вот и знакомый белый кролик скачет меж рядов капусты. Или это другой? Может, хозяин забыл закрыть крольчат-

ник и зверьки разбежались? Они же погрызут у него весь огород. Впрочем, это не мои проблемы. Да и не видно пока ничего изгрызенного.

Но где же хозяин?

За расположенным возле озерца рядом березок замечаю еще одно строение и направляюсь к нему. Небольшой сруб с толстой печной трубой. Не иначе, баня. А вот и полная поленица дров. Вот бы попариться с березовым веничком да понырять в чистое озеро!

Однако дымок из трубы не вьется, и, судя по тишине, здесь тоже никого нет. Только журчат прозрачные струйки воды, стекающие с каменного выступа в озеро. На всякий случай стучу в слегка приоткрытую дверь. Ответа, конечно, нет.

Подхожу к вытекающему из скалы источнику и, хоть и не хочется пить, не могу удержаться — наклоняюсь и делаю несколько глотков удивительно вкусной водички. Эх, если б в этом раю вместо неизвестного хозяина оказалась прекрасная хозяйка, можно было бы и не просыпаться никогда.

У самого подножия каменной стены небольшие заросли малины. Подойдя полакомиться крупными ягодами, замечаю в находящейся за ними расселине вырубленные в скале ступени. Обхожу кустарник и обнаруживаю скрытую расщелиной круто уходящую вверх лестницу. Продолжая объедать малину, размышляю, стоит ли проверять, куда ведет обнаруженная лестница. А почему бы нет? Набрав в дорожку горсть ягод, начинаю подъем. Парапет расщелины не достигает моего плеча, и я могу свободно обозревать расположенную меж скал маленькую равнину. Впрочем, ничего нового с высоты не замечаю.

Подъем затягивается. Шлепать босыми ногами по каменным ступеням становится утомительно. Снизу скалы не казались такими высокими. Теперь же домик внизу кажется не более спичечного коробка, а до верха расстояние визуально даже и не уменьшилось. Когда серьезно задумываюсь над желанием вернуться вниз, лестница наконец-то заканчивается небольшой площадкой. Далее меж скал идет горизонтальная тропа. Пройдя по каменному коридору, выхожу на широкий карниз, и передо мной открывается тот самый вид, который принято называть величественным.

Вокруг до самого горизонта простирается темно-зеленое море тайги. Хотя, может, этот дремучий лес и не тайгой называется, а как-нибудь по-другому, но необъятность его массива все равно впечатляет. Движущиеся тени от облаков создают впечатление шевеления зеленой массы, отчего она кажется живой и способной жадно поглотить все в нее попавшее. Вспоминаю мрачную тьму под ветвями огромных елей, и от жути передергиваю плечами.

Опускаю взгляд вниз, там уже знакомая картина — несколько метров ровного пространства у подножия, обрывающегося глубоким ущельем, на дне которого пенится бурный ручей.

Карниз, на котором стою, тянется вдоль скал. Край его огражден неровным парапетом, местами не достигающим колен, а местами скрывающим меня с головой.

Раз уж забрался в такую высь, стоит посмотреть, куда ведет эта явно рукотворная терраса. После недолгого раздумья, в какую сторону отправиться, иду направо.

Картина вокруг не меняется — все такое же бескрайнее, однообразно зеленое лесное море, внизу то же ущелье. Иду довольно долго, наверное, не менее получаса, а может, и больше. От однообразия теряется чувство времени. Пару раз сворачиваю в проходы, ведущие к лестницам, подобным той, по которой я сюда поднялся, но, не заметив появления внизу хозина, возвращаюсь и продолжаю обход.

Вот внизу от скалы к ущелью тянутся две узкие полосы. Присмотревшись, понимаю, что это те массивные цепи, на которые я наткнулся в самом начале. Значит, тот мусор на дне ущелья — это обгоревшие остатки моста. Получается, что я почти обошел запертый в скалы райский уголок по кругу. И действительно, через несколько минут подхожу к тому месту, откуда начал обход.

Итак, я нахожусь посреди тайги на каменном острове, окруженном глубоким ущельем, по дну которого циркулирует бурный поток воды. Не важно, что вода не может течь по кругу, тем более так стремительно. Во сне может быть все.

Однако сон сном, а усталость чувствуется реальная. Еще и поднимающееся к зениту солнце распалилось не на шутку. Желание ополоснуться в прохладном озере гонит меня к ведущей вниз лестнице.

Пока спускаюсь, тщательно осматриваю запертый в скалах зеленый уголок, но чьего бы то ни было присутствия не замечаю.

Вода в озере обжигающе холодная. В такую разве что из парилки прыгать.

Еще раз оглядев окрестности и никого не заметив, скидываю плащ и обливаюсь водой, черпая ее пригоршнями. Когда кое-как обмылся и даже слегка продрог, приходит запоздалая мысль, что в бане наверняка есть какие-нибудь ковшики, тазики и ведерки, с помощью которых можно было бы помыться более комфортно.

Краем глаза замечаю мелькнувшую по траве тень. Поднимаю взгляд и вижу кружащуюся над долиной большую черную птицу. Первая мысль — орел. Но большая голова и еще более несоразмерно большой прямой клюв выдают ворона, просто невероятно огромного ворона.

— Кар-р-р, — глухо подтверждает тот мою догадку.

Становится жутко, и я подумываю спрятаться в бане. Однако черный мутант, каркнув еще раз, взмывает ввысь и скрывается за вершинами скал. Возможно, этот монстр прилетал поохотиться на кроликов, но, увидев человека, решил не рисковать. Откуда ж ему знать, что я сам чуть не обделался от страха.

Накидывать на мокрое тело пыльный плащ не хочется. Выхожу из тени скалы на солнце, чтобы обсохнуть, и вдруг прямо перед глазами воздух начинает мутнеть и подергиваться рябью. В мареве начинают проступать черты человеческого лица. И вот уже на меня удивленно-радостным взглядом смотрит симпатичная девушка с огненными волосами. Оторопев от такого наваждения, зажмуриваюсь. Когда открываю глаза, с некоторым сожалением убеждаюсь в исчезновении наваждения. Не знаю, как у нее с фигурой, но на мордашку самое то, что мне нравится. Приятный все-таки сон. Конечно, если бы эта рыжая не исчезла, а материализовалась полностью, было бы еще приятней...

Ощутив голод, иду к ближайшей яблоне и утоляю его парой сочных плодов. Огрызки скармливаю прискакавшему пушистому кролику. А не фиг баловать, на всех грызунов яблок не напасешься.

Спасаясь от полуденного зноя, направляюсь в дом. Здесь по-прежнему приятная прохлада. Сажусь на топчан и широко зеваю. Вот же прикол — во сне еще и спать хочется. Тут еще и кот запрыгивает ко мне и, улегшись рядом, начинает урчать, убаюкивая. Не в силах больше бороться со сном, сталкиваю его на пол и ложусь сам. Перед тем как окончательно закрыть глаза, снова вижу лицо рыжей милашки. Растягиваю губы в довольной улыбке и засыпаю.

2

«Сны во сне не снятся», — приходит в голову первая мысль, после того как, проснувшись, понимаю, что все еще сплю.

Перед лицом проплывает антенна кошачьего хвоста и раздается хрипкое требовательное мяуканье.

— Ме-э-э! — Звонкое бляение из окна заставляет меня вскочить с топчана и наспех поправить сбитые шкуры.

Похоже, домой явился хозяин. Судя по бляению, он целый день пас то ли овец, то ли коз. Интересно, где здесь можно пастить овец, оставаясь незамеченным? Вероятно, из долины есть еще какой-то выход, кроме того, по которому явился я.

— Ме-э-э. — Повторное одинокое бляение прерывает сумбурный мысленный поток.

Плотнее запахнув плащ, ожидаю появления хозяина. Тот почему-то не спешит заходить в дом. Подождав немного, решаю выйти сам.

— Ме-э-э, — радостно приветствует меня белая козочка и подбегает к крыльцу, болтая полным выменем.

— Мя-ау, — трется о мои ноги кот.

— Ш-ш-ш, — вьется между кошачьих ног выползший из-под крыльца уж.

— Дурдом, — резюмирую происходящее, понимая, что, кроме чего-то требующего от меня зоопарка, больше никого нет. Но на всякий случай все же кричу: — Эй! Хозяева! Есть кто дома? Нет никого?

В ответ лишь собравшееся зверье удивленно смотрит на меня.

На крыльцо выбегает мышь и, деловито пискнув, снова убегает в дом.

- Дурдом, — повторяю я.
- Ш-ш-ш, — соглашается уж.
- Мя-ау, — трется о ноги кот.
- Ме-э-э, — трясет выменем коза.

Мимо, не обращая на нас внимания, куда-то скачет кролик.

В небе летит ступа с ведьмой...

Сажусь на ступеньку и машинально начинаю почесывать меж рогов ткнувшуюся мордой мне в ладони козу.

В какой-то затяжной сон я вляпался. Если честно, мысль о том, что это не сон, а пока не объяснимая реальность, уже несколько раз мелькала в голове. Но какой реальностью можно объяснить вот эту приземляющуюся Бабу-ягу?

Ступа при ближайшем рассмотрении оказывается плетеной глубокой корзиной, прицепленной тонкими стропами к полупрозрачному крылу-параплану. Удивительный аппарат приземляется в полусотне шагов от дома. Плетеная ступа вместе с находящейся в ней воздухоплавательницей опрокидывается.

Поднимаюсь, чтобы помочь, но никак не могу сообразить, как высвободить хотя бы одну руку из-под не имеющего прорезей для рук плаща, не демонстрируя свою наготу. В итоге гостя, немного просеменив на четвереньках, поднимается самостоятельно, а я ошарашенно застываю, открыв рот. Передо мной, радостно улыбаясь, стоит та самая рыжая милашка из недавнего видения. Теперь, при более близком рассмотрении, вижу, что она не так уж и юна, как показалось при мимолетном взгляде. Тетеньке явно не меньше тридцати. И она красива той зрелой красотой, которая способна покорить мужчин абсолютно всех возрастов. Во всяком случае, меня она покорила точно. Боюсь только, что она примет меня в таком виде за маньяка-насильника и, чего доброго, отдубасит шестом, который держит в руках.

Блея и мяукая, кот с козой бегут приветствовать красотку. Неужели она и есть хозяйка сего райского уголка? Да нет, не может быть. Обнаруженная мною обувь не менее сорок второго размера, а то и сорок третьего. У нее же вон какая миниатюрная ножка.

И чего это она на меня так радостно смотрит? Мне, конечно, приятно. Но неловко как-то.

- Здрасьте, — приветствую гостью легким поклоном.

— Кошенька, ты и правда живой? — прижав руки с зажатым в них шестом к груди и продолжая излучать радость, спрашивает женщина.

На всякий случай оглядываюсь, чтобы убедиться, что за моей спиной никого нет и женщина обращается именно ко мне.

— А мне как Карлуша сообщил, будто видел тебя живым и невредимым, — продолжает она, оглядывая меня с ног до головы, словно могла видеть сквозь плащ, — я и не поверила, но все же вызвала тебя. А ты сразу связь и оборвал почему-то. Я чуть погодя снова вызвала, и снова ты не захотел мне ответить. Потом и вовсе вызов перестал проходить. Вот я и решила сама навеститься. Ты уж, Кошенька, извини меня, старую. Я и сама уже как только себя не корила, что через мою глупость извел тебя Иван, трухлявый пень с муравьями ему в зад. Так значит, не извел он тебя, Кошенька? Радость-то какая! Ой, а бледненький ты какой! Досталось тебе все же, вижу. Да ты отдыхай, Кошенька, сил набирайся. А я пока поухаживаю за тобой. Сейчас вот Машку подою...

— Кхм, э-э-э... Извините, — прерываю словоохотливую женщину. — Я вообще-то сюда случайно зашел. Шел по лесу... и зашел. А тут, кроме этих зверюшек, никого нет. Ну, вот как бы и все. Меня, кстати, Георгием зовут.

— Куда? — вперивает в меня большие зеленые глаза гостья.

— Что — куда? — не понимаю я.

— Зовут тебя, Коша, куда?

— Э-э-э... Я — Георгий. Для вас просто Жора, — старательно изображаю должную казаться милой улыбку.

В широко открытых глазах красавицы появляется жалость. Выронив шест, она тянет ко мне руки. Шест падает, ударив по хвосту ужа, который, воспользовавшись моментом, обвил козью ногу, припал к соску и хлещет молоко большими глотками. А коза, зараза, не только не возмущается, а даже глаза прикрыла от удовольствия.

— Что же я, старая, наделала-то? — вдруг начинает заунывным голосом причитать совсем даже не старая женщина, продолжая тянуться ко мне руками, будто желая обнять, но не решаясь. — Нешто ты, родименький, умишком повредился?

Если это все же не сон, насчет умишка она может оказаться права. Однако я совсем не против ее объятий и даже делаю шагок навстречу.

Но понимаю, что не смогу ответить, не распахнув свой плащ, и останавливаюсь.

Женщина все же подходит вплотную, слегка коснувшись меня высокой грудью, берет мою голову маленькими теплыми ладонями и пристально смотрит в глаза. Я словно проваливаюсь в зеленый омут ее красивых глаз...

Дальнейшее помню как в тумане.

Я превращаюсь в безвольного болванчика и лишь краешком сознания отмечаю происходящее.

Взяв за руку и ничуть не стесняясь распахнувшегося плаща, зеленоглазая ведет меня к бане, где усаживает на расположенную в тени берез скамейку. Сама направляется к поленице и, набрав охапку дров, скрывается за дверью. Вскоре из печной трубы начинает струиться дымок. Женщина что-то говорит мне и убегает к дому. Вновь появляется, заставляет меня выпить чашку теплого жирного молока и опять убегает. Некоторое время она периодически мелькает перед глазами, бегая от бани к дому и обратно.

И вот рыжая тащит меня в парилку, попутно не только содрав мой плащ, но и разоблачившись донага сама.

Позже я спишу происходящее на глубокое погружение в гипнотический транс, в который меня ввела зеленоглазая колдунья. А как иначе объяснить мое равнодушное отношение к стройному телу обнаженной красотки?

Но, что удивительно, никакой транс не лишает меня возможности испытывать блаженство от банных процедур. А рыжая толк в этих процедурах знает. Сперва мы, забравшись на полоч, как следует прогреваемся. Потом она, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, довольно продолжительно обрабатывает меня сразу двумя вениками. Затем выталкивает из парилки к озерцу и обливает ледяной водой, черпая ее ведерком прямо из водоема. И снова парилка, ковш ароматного настоя на камни и веники.

С блаженством вдыхаю вечерний прохладный воздух, расположившись на лавочке под березками. Рыжая в это время снова протапливает баню. И все повторяется.

Вот я опять сижу на скамейке, теперь уже одетый в полотняные портки и длинную рубаху-косоворотку. В голове ни единой мысли. Просто сижу и наслаждаюсь созерцанием ярких звездных узоров на ночном небе.

Появляется рыжая и ведет меня за руку в дом. Там на столе в свете масляного светильника поблескивает медными боками самовар. Рядом большое блюдо с горой пышных пирогов. Проверяю на себе, что глубокий транс аппетиту не помеха.

Пока насыщаюсь, зеленоглазая подтверждает, что является не просто гипнотизершей, способной погружать в транс добропорядочных людей, а самой настоящей ведьмой. Она ставит на стол наполненную водой миску, что-то шепчет, водит над ней руками, затем дует. Вода в миске вдруг чернеет, и как только рябь успокаивается, появляется изображение лица голубоглазого блондина, занятого подравниванием небольшой аккуратной бородки с помощью огромных, внушающих уважение ножниц. Завидев нас, он недовольно хмурится и что-то бурчит, обращаясь к женщине. Однако, переведя взгляд на меня, застывает с открытым ртом на полуслове. Рыжая начинает ему что-то объяснять, но я не прислушиваюсь. Я наелся, и мне теперь хочется только спать. А разные переговоры по мисочным видеофонам ну совершенно не волнуют. С трудом выбравшись из-за стола, падаю на топчан, и мое сознание отступает под натиском сладкой дремы.

3

Просыпаюсь от переливчатого птичьего пения и не спешу открывать глаза, соображая — проснулся я во сне или на самом деле?

— Мур-р-р, — раздается над ухом.

Открываю глаза и вижу в проеме небольшого оконца сидящего на подоконнике кота Ваську. Значит, все еще сплю.

Но, сплю — не сплю, а вставать надо. Посмотрим, как поворится, что сон грядущий нам готовит...

Ага, на столе кувшин с молоком и пироги. Может, сперва сходить умыться? Не, чего ходить туда-сюда без дела!

За завтраком восстанавливаю события вчерашнего пришедшегося дня. Ну, огромная лягушка в подземном озере — это явный бред. Тут без вариантов. А вот сон про рыжую парашютеристку весьма приятен. Особенно про баню, кхм... М-да... Смущает только моя реакция, а вернее ее отсутствие, на голую ведьмочку. Еще подумает, что я импотент. И вооб-

ще, после встречи с ней я был какой-то неадекватный. Ну, точно она меня загипнотизировала.

С улицы доносится картавое покаркивание. Допив молоко, выхожу посмотреть. На лужайке перед крыльцом развалился кот. Он раздраженно елозит по траве хвостом, за который его пытается ухватить мощным клювом здоровенный ворон. Пернатый раз за разом промахивается и недовольно каркает. Это просто мутант какой-то, а не птица. Таких больших воронов просто не бывает.

— В зоопарке пополнение, — констатирую я, потягиваясь.

Васька отвлекается на мое появление, и ворону удается ухватить его хвост.

— Му-а-а-а! — истошно возмущается кот и пытается захватить когтистой лапой по наглой птичьей морде. Но ворон подпрыгивает и в один взмах могучих крыльев оказывается за десять шагов от пострадавшего. Заложив крылья за спину, он важно вышагивает, издевательски каркая и косясь одним глазом на вылизывающего хвост кота.

Направляюсь к озеру, чтобы умыться, и обнаруживаю там рыжую. Женщина занимается постирушками. Останавливаюсь, чтобы лучше ее рассмотреть. А то от вчерашних впечатлений в памяти только зеленые глаза да стройная фигура.

Стоя по колено в ледяной воде, рыжая полощет белье, отжимает и бросает его в деревянное корыто. На ней надета зеленая рубаша из грубого полотна, мокрый подол которой едва достает до колен. Волосы убраны под платок, завязанный смешным бантиком на темени.

Вздвигнув от карканья подкравшегося сзади ворона, она плещет на него водой, и тот, забавно переваливаясь, отбегает.

— Кошенька, ты проснулся, — мило улыбается зеленоглазая, увидев меня.

Вытирая мокрые руки о подол рубахи, при этом задрал его гораздо выше колен, она направляется ко мне. Не в силах оторвать взгляда от стройных ножек, отмечаю соответствующую реакцию организма, и с удовлетворением думаю о вчерашней бане как о нетипичном случае. Просторная длиннополая рубаша скрывает реакцию организма на стройные ножки симпатичной женщины от посторонних глаз. Но так как эта самая симпатичная женщина намеревается меня обнять, то наверняка наткнется на эту самую реакцию моего организма. Еще примет за маньяка.